К 100-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ

7 ноября 2017 года исполняется 100 лет со дня Великой Октябрьской социалистической революции.

Спектр политических и нравственных оценок этого события в научном мире столь широк, что разобраться в деталях и сложить их в единую картину не так просто. На одном полюсе этого спектра Октябрьская революция осмысливается как небывалое по силе и выразительности политическое творчество народных масс, возглавляемых партией большевиков, как реализация извечных устремлений человечества к идеалам подлинного народовластия и справедливости; на другом – как национальная катастрофа, которая перечеркнула естественный ход российской истории, ввергла страну в Гражданскую войну и привела к установлению богоборческого тоталитарного государства, как «переворот» и «путч», реализованный кучкой циничных заговорщиков, не имевших никакой поддержки в стране. А помимо этих крайних позиций существует еще множество промежуточных точек зрения, – но и они, при всей их внешней объективности, едва ли проясняют общий смысл Октябрьской революции, но зачастую возделывают почву для новых и новых спекуляций.

В результате, как это ни странно, сегодня даже многие образованные люди думают, что большевики во главе с Лениным взорвали процветающую империю, уничтожили под корень цвет нации, поставили на колени малые народы России и установили красный террор единственно из личного властолюбия.

Возможно, здесь будет нелишним дать слово стороннему наблюдателю, человеку незаинтересованному, но в высшей степени проницательному и талантливому. Следует при этом иметь в виду, что он вообще относился к русской революции скептически; тем не менее он внимательно следил за ее событиями и до публикации нижеследующих строк дважды (в 1914 и 1920 гг.) побывав в России, запечатлел это грозное и драматичное явление в его действительной эпической динамике:

«...В конце 1917 года Россия пережила такой всеобъемлющий крах, какого не знала ни одна социальная система нашего времени. Когда правительство Керенского не заключило мира и британский военно-морской флот не облегчил положения на Балтике, развалившаяся русская армия сорвалась с линии фронта и хлынула обратно в Россию – лавина вооруженных крестьян, возвращающихся домой без надежд, без продовольствия, без всякой дисциплины. Это было время разгрома, время полнейшего социального разложения. Это был распад общества. Во многих местах вспыхнули крестьянские восстания. Поджоги усадьб часто сопровождались жестокой расправой с помещиками. Это был вызванный отчаянием взрыв самых темных сил человеческой натуры, и в большинстве случаев коммунисты несут не большую ответственность за эти злодеяния, чем, скажем, правительство Австралии. Среди бела дня на улицах Москвы и Петрограда людей грабили и раздевали, и никто не вмешивался. Тела убитых валялись в канавах порой по целым суткам, и пешеходы проходили мимо, не обращая на них внимания. Вооруженные люди, часто выдававшие себя за красногвардейцев, врывались в квартиры, грабили и убивали. В начале 1918 года новому, большевистскому правительству приходилось вести жестокую борьбу не только с контрреволюцией, но и с ворами и бандитами всех мастей. И только к середине 1918 года, после того как были расстреляны тысячи грабителей и мародеров, восстановилось элементарное спокойствие на улицах больших русских городов. Некоторое время Россия была не цивилизованной страной, а бурным водоворотом беззаконий и насилия, где слабое, неопытное правительство вело борьбу не только с неразумной иностранной интервенцией, но и с полнейшим внутренним разложением. И Россия все еще прилагает огромные усилия, чтобы выйти из этого хаоса (...).

Утверждать, что ужасающая нищета в России – в какой-либо значительной степени результат деятельности коммунистов, что злые коммунисты довели страну до ее нынешнего бедственного состояния и что свержение коммунистического строя молниеносно осчастливит всю Россию, – это значит извращать положение, сложившееся в мире, и толкать людей на неверные политические действия. Россия попала в теперешнюю беду вследствие мировой войны и моральной и умственной неполноценности своей правящей и имущей верхушки (как может попасть в беду и наше британское государство, а со временем даже и американское государство). У правителей России не хватило ни ума, ни совести прекратить войну, перестать разорять страну и захватывать самые лакомые куски, вызывая у всех остальных опасное недовольство, пока не пробил их час. Они

правили, и расточали, и грызлись между собой, и были так слепы, что до самой последней минуты не видели надвигающейся катастрофы. И затем... пришли коммунисты» (Герберт Уэллс. Россия во мгле (1920)).

История – наука «проницаемая»; ее особенность коренится в сравнительном гуманитарном субъективизме, в возможности разных трактовок одного и того же факта, когда трактовка в значительной степени зависит от личных качеств и жизненного опыта исследователя, его воспитания и культуры; убеждение здесь зачастую предшествует познанию, а гипотеза чаще подтверждается, чем опровергается исследованием. И, поскольку история революции долгое время писалась победителями, естественно, что идейные последователи побежденных – либеральная контрреволюция (под этим словом мы имеем в виду всех неприятелей и оголтелых критиков Октября) – завладевают для ведения дискуссии обширным методологическим плацдармом: «Ваша история – ложь, ибо она написана ради оправдания ваших (и ваших отцов) преступлений и сохранения власти». Идеологическая «проницаемость» делает нашу историю (как и текущий общественно-политический процесс) уязвимой для клевет и злокозненных трактовок, для бесстыдного цинизма, прикрывающегося лицемерными соображениями в том роде, что правда может быть только уделом побежденного, – потому что только это гуманно; а правда победителя – это правда насильника и ничего более.

Современная историософская и политологическая схоластика выработала настоящий дьявольский катехизис, который даже ежевечерне озвучивается на наших государственных телеканалах: нет такой святыни, на которую бы не посягнули современные гуманисты и правозащитники, – и на любой вопрос у них заранее готов «научный» ответ. Черное называют белым, утверждая, что большинство обмануто и зомбировано исторической пропагандой; этот современный «меньшевизм», ратующий повсеместно за права всевозможных меньшинств в ущерб даже принципу демократического централизма – абсолютному большинству народа, здоровому, трудящемуся, вменяемому и законопослушному – тоже, как 100 лет назад, смыкается с буржуазной идеологией и льет воду на мельницу финансовых спекулянтов и космополитического олигархата, превративших великую стройку – в великий базар, Страну Советов – в страну услуг.

Теперь они, новоиспеченные «меньшевики», в ревностном реваншистском угаре низвели Ленина и Сталина до своего ранга: в лучшем случае они называют их хоть выдающимися, но всего лишь политтехнологами, – а чаще эффективными менеджерами. Они обо всем и обо всех судят по себе; им недоступно государственное мышление, они не понимают бескорыстия и не могут вместить уважения к народу, – потому не любят и боятся и Ленина, и Сталина. Самая память о них, самые портреты их являются страшным укором их алчности и тщеславию.

Спустя 100 лет в России снова обострились классовые противоречия и морально-этические проблемы, достигли драматического накала отношения между финансовым капитализмом и производством, социальной сферой и бюрократией, традиционно-патриотическим и либерально-космополитическим дискурсами государственной власти. Исторические аналогии очевидны: в том, что касается социально-экономических реалий и их идейного обеспечения, мы оказались в тех же условиях, в каких находилась Россия после Февральской революции. Мы и сегодня стоим между Февралем и Октябрем. И тем не менее явственно ощущается главное общенациональное стремление: современная Россия, провозгласившая неделимость ее истории, осознавшая себя наследницей и Российской империи, и Советского Союза, больше не хочет революций; она тверда в намерении залечить исторические раны, упрочить внутреннее единство и по вертикали, и по горизонтали и выйти на столбовую дорогу уверенного и неуклонного эволюционного развития.

Такое видение задач, стоящих перед Россией, не однажды было продекларировано президентом В.В. Путиным и другими подлинно государственными деятелями, – и мы приветствуем этот долготерпеливый труд, увещевательный в отношении даже клеветников и недоброжелателей, – и будем и впредь способствовать утверждению мира и гармонии в нашем общем доме.

Октябрь 1917 года – важнейшая веха нашей истории, и так или иначе мы все – родом из Октября. Если хотите, мы все – октябрята: сознательные или несознательные. Наше твердое убеждение, которое мы, впрочем, вовсе не хотим кому-либо навязывать и ясно декларируем его только по случаю, состоит в том, что день 7 ноября – праздник всех россиян: он знаменует решительный поворот от разрушения к строительству, от беззакония к правопорядку, от нигилизма к гуманизму – к тем созидательным процессам, которые в начале прошлого века спасли огромную страну от полного краха и возродили ее во всей полноте политического и культурного бытия. Как знать? – возможно, само провидение тем самым заранее выковало меч на погибель и посрамление германского фашизма. Во всяком случае, именно Октябрьская революция сделала это возможным; и хотя в наше сложное время благородный гранит Мавзолея, к подножию которого воины-победители бросали в 1945 году поверженные фашистские знамена, в День Победы фарисейски отгораживается фанерой, – 7ноября неотделимо от 9 мая.

***

Владикавказский научный центр Российской академии наук поздравляет со 100-летием Октябрьской революции всех соотечественников, независимо от их политических взглядов, потому что Отечество и гражданство прежде политики.